

21.12.2000 ЕЛЕНА Ъ-ЧЕРЕМНЫХ

"Новая опера" доросла до оперы

Премьера "Риголетто" с Дмитрием Хворостовским

В московском театре "Новая опера" состоялась премьера вердиевского "Риголетто" с Дмитрием Хворостовским в главной роли. Совместная постановка муниципального театра с оперным фестивалем в Савонлинне (Финляндия) не просто стала самой лучшей работой этого театра, но и потянула на лидерство в оперном итоге последних трех лет.

Тем, кто достаточно знаком с Евгением Колобовым и его театром "Новая опера", не надо объяснять, сколь нетривиальна концепция учреждения. Худрук исповедует принципы "частного владения", распространяя их на всех и вся — от музыкантов до репертуара. Он третирует прессу и силком тащит к себе вельможный ряд завсегдатаев, где смешаны Алла Демидова, Эльдар Рязанов, Виталий Вульф, иностранные дипломаты, лужковские чиновники и неприятно накачанные нувориши. Прочая публика — от итээров на пенсии до дам в норковых шубах — тоже результат колобовской деятельности на благо людей, невзыскательных к опере, но крайне чувствительных к высоким формам культурного досуга.

Это для них Евгений Колобов сперва делал спектакли "О, Моцарт, Моцарт..." или музыкальный дивертисмент "Россини" (главный их герой — сам маэстро, харизматик-бенефициант). Затем волна просветительского миссионерства привела на ту же сцену забытые "Валли" Каталани и "Демона" Рубинштейна. Мелькнул даже неузнаваемо отцензурированный Колобовым афишный шлягер "Травиата". И вдруг — "Риголетто".

По административным котировкам спектакль шел, безусловно, как бенефис. Участие Дмитрия Хворостовского — мировой звезды моцартовских партий, рейтингового баритона made in Russia (в России, впрочем, почитаемого за популярные романсы и вокальную пропаганду Георгия Свиридова) — накрутило кассовую стоимость в партер до пяти с половиной тысяч рублей. Любители оперы готовы были многое отдать, чтобы оценить типажное переключение победительного прима-певца из героев-суперменов дон-жуановского типа в шута и страдальца. Но, честно говоря, заинтриговывал не только горб Риголетто.

Мало кто мог ожидать, что Верди пойдет без купюр, а списанные с савонлиннского баланса декорации и костюмы (вкупе с режиссером-финном

Ральфом Лянгбакой и сценографом-шведом Леннартом Мерком) обставят очень внятную сценическую разводку; и, наконец, что сам Хворостовский — неадекватно-статичный Дон Жуан Зальцбурга-99 и Вены и Фигаро из авангардной лондонской постановки 1997 года — окажется равным своей новой роли.

Оказался, в чем убедил первой же пробежкой по авансцене, когда, подволакивая ногу, на секунду вскочил на банкетку и, отключив зад, по-дурацки огляделся кругом. Перед залом оказался не привычный герой, а настоящий шут с пухлыми губами, топорным носом и широкими скулами. По ходу сюжета Хворостовский добавил трепета (первый дуэт с Джильдой), безумной отцовской влюбленности. Затем настал черед отчаяния за поруганную честь дочери и чудовищной энергии мести.

Энергия образа родила забытое ощущение, перевернувшее оперную условность в чистую правду физиологического сопереживания. Не худшей была работа и прочих исполнителей, разгладивших залежалые складки вердиевской партитуры. В сопрано дебютантки из ГИТИСа Екатерины Сюриной (Джильда) верхние ноты прозвучали с требуемым ролью волнением юности и неповторимостью отчаянного ученического трепета. Тенор Герцога (Михаил Губский) оказался идеально ровной прослойкой, скрепившей крайности рискованных ансамблей. Из трио и квартетов не пропал ни один звук. Хор звучал то призрачно, то реально-страшно.

Если сценическое партнерство наводило на мысль о продуктивности альянса с Хворостовским (после мытарств по заграницам он явно отрывался, в избытке сил самозабвенно подыгрывая каждому персонажу), то безупречность дирижерской работы, наверное, правильнее было бы объяснить рецидивом какого-то внезапного прозрения.

Оркестр тут стал инструментом экстраординарных состояний: брутальность и ужас мощных аккордов уживались в нем с интимностью тембров-сателлитов — флейты Джильды, фагот-гобойной подпорки Риголетто. Единственной бедой столь по-разному выстрадавшего, но в результате превосходного спектакля теперь остается только режим его эксплуатации. После второго представления Дмитрий Хворостовский отбывает за границу, где восемь раз в течение сезона покажет свою московскую роль. Тут его место займет лауреат международного конкурса Николай Решетняк. А далее — как пожелает маэстро Колобов. Отличный музыкант и сложный человек, он, кажется, еще не понял, что лучшее из его творений — такое же достояние публики, как и его собственное.

ЕЛЕНА Ъ-ЧЕРЕМНЫХ

Следующее представление состоится 23 декабря.